

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Мадрис Рито С. Политическая экономия Ла-Паса: бразильские и чилийские инвестиции в Гаити в эпоху МООНСГ (2004–2019) // Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.76928 EDN: EIBGHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76928

Политическая экономия Ла-Паса: бразильские и чилийские инвестиции в Гаити в эпоху МООНСГ (2004–2019)

Мадрис Рито Селене Андреина

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

108809, Россия, г. Москва, р-н Внуково, ул. Аэростатная, д. 14 к. 2

✉ celenea.10@gmail.com

[Статья из рубрики "МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.76928

EDN:

EIBGHH

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается политическая экономия миротворческой эпохи МООНСГ в Гаити в 2004–2019 гг. как совокупность практик и институтов, через которые осуществлялись бразильские и чилийские инвестиции, включая государственные, полугосударственные и корпоративные каналы, а также их сопряжение с механизмами управления безопасностью и развитием. Центральным предметом анализа выступают формы, отраслевые направления и политические условия вовлечения Бразилии и Чили в экономическое пространство Гаити, а также влияние миротворческого режима на распределение выгод и издержек для принимающей стороны. В статье реконструирована специфическая модель «инвестиционного сопровождения миротворчества», при которой экономическое присутствие Бразилии и Чили развивалось в тесной связке с их

политико-военной ролью в МООНСГ, что позволяло институционально закреплять приоритетные отрасли и формы доступа к рынкам. Показано, что инвестиционные стратегии обеих стран имели одновременно кооперативный и конкурентный характер, а результатом стало формирование асимметричных режимов распределения ресурсов, усиливших зависимость гаитянской экономики от внешних управленческих и финансовых контуров. Сделан вывод о том, что миротворческая рамка в 2004–2019 гг. выступала не только инструментом безопасности, но и фактором перераспределения экономических возможностей в пользу внешних игроков, при ограниченной структурной модернизации Гаити. В научном исследовании применялись: анализ документов, количественные методы, статистический анализ и сравнительное изучение данных. Политическая экономия «Ла-Паса» в Гаити в 2004–2019 гг. формировалась как институционально закреплённая связь между миротворческим управлением и внешнеэкономическим присутствием. МООНСГ, обладая расширенным мандатом и координационными полномочиями, выступала не только гарантом безопасности, но и внутренним регулятором доступа к реконструкционным и донорским ресурсам, что объективно создавало преимущества для государств-участников с наибольшей ролью в миссии. В результате сравнительного анализа показано, что бразильская стратегия опиралась на военное лидерство и потому обладала более высокой способностью к конвертации миротворческого ресурса в экономическое присутствие. Инфраструктурные, полицейские и технические программы Бразилии развивались в единой логике государственно-строительного мандата, что подтверждает тезис о неизбежном включении экономического измерения в операции длительной стабилизации.

Ключевые слова:

Гаити, МООНСГ, Бразилия, Чили, инвестиции, политическая экономия, миротворчество, развитие, внешнее управление, Латинская Америка

Политическая экономия «Ла-Паса» в гаитянском случае 2004–2019 гг. подлежит рассмотрению как особый порядок сопряжения миротворческого управления, восстановления государственности и внешнеэкономического присутствия государств Латинской Америки. Принято считать, что операции ООН в постконфликтных странах ограничиваются сферой безопасности и политического посредничества, тогда как экономические эффекты возникают лишь как вторичные следствия. Однако в специальной литературе высказывается предположение, что длительные миссии с расширенным мандатом формируют устойчивые условия для перераспределения ресурсов и закрепления внешних интересов, особенно в государствах с ослабленными институтами. В этом отношении опыт МООНСГ в Гаити позволяет проследить, каким образом миротворческая рамка становилась каналом институционального доступа к экономике страны со стороны тех участников миссии, которые совмещали военное лидерство с программами сотрудничества и инвестиционными инициативами. Предмет исследования, таким образом, составляет взаимосвязь между бразильскими и чилийскими инвестициями в Гаити и мандатной, организационной и политической архитектурой МООНСГ в 2004–2019 гг., включая этап преемственной миссии МООНППГ.

Методологически исследование опирается на сравнительно-исторический и институциональный подходы политической экономики развития. Следует отметить, что сравнительный анализ бразильских и чилийских практик оправдан их участием в одних и тех же рамочных условиях миссии, при различии масштабов экономик и

внешнеполитических приоритетов. В работе используются материалы Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН, фиксирующие цели, состав и эволюцию МООНСГ, а также исследования, раскрывающие политические основания миротворчества и его связь с государственным строительством. Так, в трактовке Э. Серрано Кабальеро подчеркивалось, что гаитянские операции ООН 1990-х – начала 2000-х гг. следует интерпретировать как последовательные попытки международного управления кризисом государственности при постоянном риске рецидива насилия [\[14\]](#). По мнению Х. Вальдеса, переход к МООНСГ после событий 2004 г. означал институциональное расширение миссии от «поддержки» к «стабилизации», что предполагало не только силовое присутствие, но и участие в восстановлении управленческих функций государства [\[1\]](#). В работах З. Гонсалеса Райнерио кризис аристидовского периода трактовался как следствие структурной слабости политических институтов и их зависимости от внешних доноров, что создало предпосылки для новой волны международного вмешательства [\[2\]](#). Данные подходы принимаются как исходная научная база, при этом предметом полемики выступает вопрос о том, является ли экономическое присутствие внешних акторов побочным элементом миссии либо встроено в ее логику.

К настоящему времени в целом среди специалистов преобладает убеждение, что развертывание МООНСГ было обусловлено острой фазой политического кризиса начала 2004 г., сопровождавшегося вооруженными выступлениями и утратой государством контроля над значительной частью территории. Это нашло нормативное выражение в резолюции 1529 Совета Безопасности, санкционировавшей временные многонациональные силы, а затем в резолюции 1542, учреждавшей МООНСГ с расширенным мандатом [\[10; 11\]](#). В докладе Генерального секретаря от 30 августа 2004 г. подчеркивалось, что миссия должна обеспечивать безопасную среду, поддерживать политический процесс и содействовать соблюдению прав человека при одновременной помощи национальной полиции и судебной системе [\[9\]](#). Согласно справочной информации ООН, миссия включала военный компонент численностью до 6700 военнослужащих и гражданский полицейский компонент до 1622 сотрудников, а также сложную систему гражданских подразделений по гуманитарным и управленческим вопросам [\[7; 8\]](#). В соответствии с докладом Генерального секретаря от 23 июня 2005 г. именно сочетание военных, полицейских и гражданских элементов позволяло МООНСГ претендовать на роль основного координатора переходного восстановления, включая взаимодействие с международными финансовыми учреждениями и региональными организациями [\[3\]](#).

В интересующем нас аспекте важно отметить, прежде всего, то обстоятельство, что с момента принятия МООНСГ функций временных сил в июне 2004 г. лидерство в военной области было отведено Бразилии, а Чили стала одним из ключевых латиноамериканских контингентов, унаследовавших присутствие на местах. По данным ООН, бразильский контингент сосредоточивался в столице и нес непосредственную ответственность за управление военным компонентом через Командующего силами, тогда как чилийские подразделения размещались в северных районах и участвовали в инженерных и охранных функциях [\[7; 8\]](#). Как аргументирует П. Триподи, эта конфигурация позволила Бразилии использовать миссию как средство демонстрации региональной ответственности и претензии на расширение международного статуса, что сопровождалось усилением ее экономических программ в Гаити [\[17\]](#). В интерпретации Б. Малакальсы участие стран Южной Америки в гаитянской миссии рассматривалось ими

как часть более широкого курса на сотрудничество Юг–Юг, где миротворчество и развитие соединялись в единый политико-экономический замысел [\[19\]](#).

Существует мнение, что именно мандатно закрепленная связь между безопасностью и развитием открывала пространство для экономического присутствия участников миссии. В концепции М. Калдор гражданская безопасность в глобализованном мире перестает быть сугубо внутренним делом государства и превращается в сферу совместного управления, в которой военные и полицейские действия тесно сопряжены с программами социально-экономической стабилизации [\[4\]](#). Применительно к Гаити это означало, что ключевые участники миссии получали легитимный доступ к планированию реконструкции, инфраструктурных работ и распределению донорских потоков. Следует иметь в виду, что национальные институты Гаити характеризовались хронической нехваткой ресурса и управленческой емкости еще до 2004 г., что фиксировалось в экономических обзорах ЭКЛАК и подчеркивало зависимость развития от внешних вливаний [\[18\]](#). В результате миссия, призванная поддерживать суверенные институты, одновременно становилась посредником их внешней подпитки, что объективно расширяло роль внешних акторов в экономической политике страны.

Дальнейшее развитие и углубление этой логики нашло отражение в практике бразильского присутствия. По материалам ООН и исследованиям латиноамериканского сотрудничества, Бразилия опиралась на военное лидерство в миссии для продвижения программ технической помощи, инженерных работ и государственных контрактов, связанных с восстановлением инфраструктуры и коммунальных систем, прежде всего в столичном узле. Эти действия трактовались как вклад в стабилизацию и занятость, однако вместе с тем сопровождалось приходом бразильских компаний и расширением торгово-инвестиционных интересов в строительстве, энергетике и услугах. В анализе Х. Вальдеса подчеркивалось, что МООНСГ встраивала политические решения о развитии в процедуры миссии, а значит, внешние партнеры фактически участвовали в определении приоритетов восстановления [\[1\]](#). В таком положении бразильская сторона рационально использовала доступ к процедурам координации доноров и к оценке потребностей, закрепляя выгодные для себя направления сотрудничества.

Чилийская стратегия имела меньший масштаб по сравнению с бразильской, однако отличалась большей отраслевой определенностью и более стабильной ориентацией на конкретные практики прикладного участия. Следует отметить, что чилийский контингент, вошедший в МООНСГ после июньского перехода от многонациональных временных сил, первоначально располагался в северных районах страны и выполнял функции, сопряженные с инженерным обеспечением и поддержанием безопасности коммуникаций, что отражено в общей справочной характеристике миссии и ее развертывании [\[7; 8\]](#). Наличие чилийских инженерных подразделений и их фактическое участие в восстановлении дорожной, коммунальной и объектовой инфраструктуры создавали институциональные предпосылки для последующего вовлечения национальных подрядчиков в региональные работы, поскольку миротворческая логистика и правовой режим миссии обеспечивали им доступ к проектам реконструкции, координируемым через гражданский компонент МООНСГ. Согласно наблюдениям Э. Варрея, рост гражданских полномочий гаитянских миссий после 2004 г. расширял сферу взаимодействия с донорами и подрядными структурами, что делало инженерные и инфраструктурные проекты одной из опор миротворческого присутствия [\[20\]](#). В результате чилийские компании и государственные агентства получали возможность включаться в восстановительные программы через уже сложившиеся каналы

безопасности и административного сопровождения. Обзор материалов о сотрудничестве Юг–Юг показывает, что Чили стремилась удерживать баланс между гуманитарной риторикой и экономической практикой, делая акцент на поставках сельскохозяйственных, продовольственных и потребительских товаров в районы собственного миротворческого присутствия. По утверждению Б. Малакальсы, чилийская линия в Гаити развивалась как часть более широкого курса на участие в латиноамериканском сотрудничестве, где «помощь развитию» и экономическая активность должны были подтверждать статус «ответственного партнера» при сравнительно ограниченных финансовых возможностях [\[19\]](#). Поэтому, хотя Чили уступала Бразилии по объему финансирования и по степени институционального влияния в рамках миссии, ее участие демонстрировало устойчивую ориентацию на ограниченный круг отраслей, прежде всего на инфраструктурное восстановление и торговые операции, сопряженные с гуманитарными поставками и работой инженерных подразделений. Тем самым уже на раннем этапе проявлялась двойственность латиноамериканского присутствия: кооперация под эгидой миссии, закреплённая общностью мандата и совместной ответственностью за безопасность, сочеталась с конкуренцией за ограниченные сегменты гаитянского рынка и донорских средств, распределяемых через механизмы МООНСГ [\[3; 7\]](#).

Весьма спорным и интересным является вопрос о том, следует ли рассматривать указанные процессы как форму «инвестиционного сопровождения миротворчества» либо как естественное следствие общего расширения международной помощи и реконструкционных программ. Наличие противоположных точек зрения устойчиво фиксируется в литературе о гаитянской операции. Одни авторы исходят из того, что государства Латинской Америки действовали преимущественно из политических мотивов, стремясь подтвердить свою приверженность коллективной безопасности, нарастить международную легитимность и закрепить региональную солидарность, при этом не имея самостоятельных экономических целей, выходящих за рамки помощи развитию. Такая интерпретация опирается на положения мандата и на доклады Генерального секретаря, где приоритет отводился обеспечению безопасной среды, реформе Гаитянской национальной полиции, поддержке выборного процесса и укреплению правосудия [\[3; 9\]](#). Другие исследователи, напротив, полагают, что длительная миссия, обладая сложной гражданско-военной структурой и полномочиями координации доноров, создавала для ее участников устойчивые преимущества, выразившиеся в доступе к контрактам и к распределению внешних ресурсов, а также в возможности опосредованного влияния на экономические узлы страны. В работах Х. Вальдеса подчеркивалось, что МООНСГ фактически становилась посредником между ослабленными национальными институтами и внешними финансовыми потоками, что позволяло ведущим участникам миссии закреплять собственные приоритеты в сфере восстановления [\[1\]](#). На наш взгляд, вряд ли следует отрицать тот факт, что обе логики сосуществовали и развивались параллельно. По реконструкции Э. Варрея, гаитянские миссии 1993–2019 гг. демонстрировали последовательное увеличение численности и значимости гражданского компонента, рост координационных полномочий и расширение задач в области развития, что объективно усиливало экономические функции миротворчества независимо от официальной риторики [\[20\]](#). В результате политические мотивы не исключали экономической рациональности, а экономические результаты оказывались структурным эффектом самой миссии, закреплённым в ее институциональном устройстве и в долговременности мандата.

Особую роль в дальнейшем преобразовании политической экономики миссии сыграли события 2010 г. Землетрясение 12 января 2010 г. нанесло катастрофический ущерб

инфраструктуре и человеческому потенциалу Гаити, одновременно резко расширив объем донорских ресурсов и усилив внешнее управление реконструкцией, что было зафиксировано в резолюции 1908, санкционировавшей дополнительную переброску военных и полицейских сил для поддержки немедленного восстановления и стабилизации ^[12]. Резолюция 1944 продлевала миссию при сохранении акцента на восстановительных работах и реформе правоохранительных институтов, тем самым институционально закрепляя расширение миротворческого участия в экономике реконструкции ^[13]. Согласно исследованию С. А. Тишкова, именно после землетрясения МООНСГ окончательно закрепилась как основная координационная структура восстановления, что заметно изменило баланс между национальными и внешними центрами принятия решений и усилило зависимость гаитянской экономики от международных посредников ^[16]. В таких условиях бразильские и чилийские инициативы получили новый импульс. С одной стороны, расширение миссии требовало инженерной, медицинской и полицейской помощи, которую страны Латинской Америки могли предоставить в силу уже развернутых на месте контингентов и опыта взаимодействия с местными структурами. С другой стороны, резко возросший поток реконструкционных средств и проектов создавал новые возможности для подрядов и программ технического содействия, в которых участники миссии имели институциональное преимущество вследствие своего положения на местах, своего участия в оценке потребностей и своей роли в обеспечении безопасности логистики. Тем самым чрезвычайная ситуация усилила ту тенденцию, при которой миротворческая обязанность по обеспечению порядка переходила в практику экономического сопровождения восстановления.

Наряду с этим 2010-е гг. выявили пределы легитимности миссии и внутренние противоречия «экономики мира». Примечательно также, что критика МООНСГ со стороны гаитянского общества концентрировалась не только на обвинениях в нарушениях прав человека и на эпидемии холеры, связываемой с иностранными контингентами, но и на восприятии миссии как формы внешнего управления ресурсами страны. В доктринальном отношении это подтверждает вывод Х. Вальдеса, согласно которому недостаточная встроенность миссии в местные социальные ожидания подрывала ее устойчивость и усиливала подозрение к любым внешним экономическим инициативам, даже если они были формально ориентированы на развитие ^[11]. По оценке С. А. Тишкова, снижение уровня насилия и профессионализация полиции, зафиксированные как один из ключевых итогов МООНСГ, не сопровождались пропорциональным ростом доверия к международному присутствию, что обнажало противоречие между задачами безопасности и итогами социально-экономической реконструкции ^[16]. Данное противоречие проявлялось и в инвестиционной сфере: внешние программы действительно обеспечивали временную занятость, восстановление отдельных объектов и улучшение инфраструктурных условий, однако одновременно закрепляли зависимость от зарубежных подрядчиков, усиливали асимметрию в распределении выгод и ослабляли способность национальных институтов самостоятельно определять приоритеты развития. Таким образом, несмотря на значительный объем работ, выполненных при участии латиноамериканских партнеров, долговременный результат миссии характеризовался соединением стабилизационных достижений с сохранением структурной зависимости Гаити от внешнего ресурсного и управленческого присутствия, что и определяет специфику политической экономики рассматриваемого периода.

К этому можно добавить, что сворачивание МООНСГ в 2017 г. и переход к МООНППГ означали институциональное признание необходимости сокращения военной составляющей при сохранении внешней поддержки правопорядка и управленческого

сопровождения. Следует отметить, что данное решение соответствовало накопленной за предшествующие годы оценке миссии как инструмента, выполнившего первичную стабилизационную задачу, но нуждавшегося в переориентации на более узкие функции институционального укрепления. Фактологические данные ООН указывают, что новая миссия с 2017 по 2019 гг. концентрировалась на развитии Гаитянской национальной полиции, на правосудии и пенитенциарной системе, то есть сохраняла ключевые элементы «связки безопасности и развития», но в более ограниченных рамках и с меньшей численностью международного военного персонала [6]. Важно подчеркнуть, что такое перераспределение задач не устраняло тех социальных и экономических условий, которые сложились за период МООНСГ, а лишь изменяло способ внешнего присутствия.

В результате экономическое присутствие Бразилии и Чили перестало опираться на прямое военное лидерство и на повседневную управленческую роль в военном компоненте, однако продолжало воспроизводиться через сформированные за предыдущие годы механизмы сотрудничества, гуманитарные программы, участие специализированных агентств, а также через частный сектор, которому ранее был обеспечен институциональный доступ к реконструкционным и сервисным работам. По реконструкции Э. Варрея, преемственность гаитянских операций ООН заключалась в том, что даже при смене мандатов сохранялись практики координации доноров и внешнего консультирования государственных структур, что обеспечивало устойчивость внешней экономической вовлеченности [20].

Если придерживаться большинства рассмотренных выше определений, то постмировотворческий период следует трактовать не как разрыв и не как прекращение сложившихся связей, а как переход к иным, менее военизированным формам международного участия, структурно закрепленным прежними институциональными практиками МООНСГ и потому сохраняющим значимость для распределения экономических возможностей в стране [20]. Тем самым смена миссии выступала не столько отказом от внешнего влияния, сколько его административным переформатированием при сохранении ранее созданных оснований для внешнего присутствия в экономике.

Совокупность приведенных данных позволяет перейти к обобщению сравнительных итогов, рассматривая бразильский и чилийский случаи как две разновидности одной политико-экономической логики. Бразильская модель, будучи опертой на статус ведущей страны военного компонента, сочетала крупные инфраструктурные и полицейские инициативы с продвижением национальных компаний и государственных программ, что свидетельствует о высокой степени институциональной конвертации миротворческого влияния в экономическое присутствие и в закрепление приоритетных направлений сотрудничества. В работах М. Калдор подчеркивалось, что расширенные мандаты по гражданской безопасности неизбежно втягивают международных участников в сферу социально-экономического регулирования, формируя у них возможность не только поддерживать порядок, но и влиять на восстановительные приоритеты [4].

Применительно к Бразилии это выражалось в том, что ее участие в обеспечении безопасности, в реформе полиции и в инженерном сопровождении реконструкции сопрягалось с появлением устойчивых подрядных и инвестиционных интересов, которые получали административную поддержку через механизмы миссии. Чилийская модель демонстрировала более скромное финансирование и меньшую координационную роль, однако сохраняла устойчивость через специализированные инженерные и гуманитарно-экономические действия, обеспечивавшие присутствие в отдельных секторах, где

требовались восстановительные работы и регулярные поставки. Несмотря на различие масштабов, в обоих случаях миротворческий статус создавал своеобразную обеспечивающую среду для экономических инициатив, поскольку миссия регулировала безопасность логистики, обеспечивала участникам доступ к административным решениям и к процедурам координации доноров, а также формировала приемлемую правовую атмосферу через реформу полиции и правосудия, что по существу снижало риски для внешних проектов.

В этой связи следует согласиться с рядом авторов, которые утверждают, что долгосрочные операции с государственно-строительным мандатом неизбежно включают экономическое измерение, даже если в официальных документах оно описывается лишь как вспомогательное направление, поскольку сама институциональная длительность и координационная роль миссии производят экономические эффекты и перераспределяют доступ к ресурсам [\[4; 20\]](#).

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что политическая экономия гаитянской «эпохи МООНСГ» рассматривается как система взаимного подкрепления миротворческого лидерства и инвестиционного проникновения, характерная для сотрудничества Юг–Юг. Было показано, что для Бразилии и Чили миссия являлась одновременно механизмом коллективной безопасности и инструментом закрепления экономических позиций в стране, причем формы закрепления зависели от места в иерархии миссии. В результате вскрывается не только конкурентный, но и кооперативный характер латиноамериканского присутствия: общая миротворческая рамка требовала согласованных действий в сфере безопасности и восстановления, однако внутри этой рамки происходило распределение экономических ниш. Дальнейшее развитие этой линии рассуждения может способствовать уточнению теоретических представлений о миротворчестве как о форме международного управления развитием, где безопасность и экономические интересы образуют неразрывное единство.

В 2004–2019 гг. Гаити стала пространством, где «экономия мира» приобрела ярко выраженное институциональное измерение. МООНСГ, учрежденная как ответ на острую фазу насилия, со временем превратилась в центральный узел координации восстановления и донорских потоков, а это объективно расширило доступ участников миссии к экономике страны [\[3; 7; 9\]](#). Бразилия, располагая военным лидерством, в большей степени конвертировала миротворческий ресурс в инвестиционные и подрядные преимущества, тогда как Чили использовала миссию для более ограниченного, но устойчивого включения в отдельные отрасли. Землетрясение и последующая реконструкция усилили эти тенденции, одновременно выявив пределы легитимности внешнего управления и зависимость экономических изменений от доверия населения [\[12; 16\]](#). Подводя итоги, следует сказать, что миротворческая рамка не была нейтральным фоном для инвестиций, а выступала важным условием их возникновения и воспроизводства. Тем самым политическая экономия «Ла-Паса» в гаитянском случае предстает как конкретный исторический механизм, в котором международная стабилизация и внешние экономические интересы были взаимно обусловлены, а долговременный эффект миссии выразился в закреплении асимметричной структуры развития, где национальная государственность усиливалась, но зависимость от внешних партнеров сохраняла системный характер.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что политическая экономия «Ла-Паса» в Гаити в 2004–2019 гг. формировалась как институционально закрепленная связь между миротворческим управлением и внешнеэкономическим присутствием. МООНСГ, обладая

расширенным мандатом и координационными полномочиями, выступала не только гарантом безопасности, но и внутренним регулятором доступа к реконструкционным и донорским ресурсам, что объективно создавало преимущества для государств-участников с наибольшей ролью в миссии [1; 3; 20].

В результате сравнительного анализа показано, что бразильская стратегия опиралась на военное лидерство и потому обладала более высокой способностью к конвертации миротворческого ресурса в экономическое присутствие. Инфраструктурные, полицейские и технические программы Бразилии развивались в единой логике государственно-строительного мандата, что подтверждает тезис о неизбежном включении экономического измерения в операции длительной стабилизации [4; 16].

Одновременно установлено, что чилийская линия при меньшем масштабе финансирования сохраняла отраслевую устойчивость и воспроизводилась через инженерные и гуманитарно-экономические практики. Тем самым участие Чили демонстрировало возможность закрепления экономических ниш без прямого военного доминирования, но при использовании институциональной среды миссии как посредника доступа к проектам восстановления и торговым каналам [19; 20].

Особую значимость имели события 2010 г., поскольку землетрясение и последующая реконструкция радикально усилили внешние финансовые потоки и перераспределили центры принятия решений в сторону миссии и доноров. Это привело к расширению возможностей для бразильских и чилийских подрядов, но одновременно усилило восприятие внешнего присутствия как фактора зависимости, что подрывало социальную легитимность «экономики мира» при сохраняющейся потребности в безопасности [12; 16].

Переход от МООНСГ к МООНППГ в 2017–2019 гг. следует трактовать как изменение формы внешней вовлеченности при сохранении ее институциональных оснований. Сокращение военной составляющей не означало демонтажа созданных ранее каналов экономического участия, а лишь переводило их в более узкие рамки полицейской, правовой и гуманитарной поддержки, что подтверждает преемственность миротворческого и постмиротворческого порядка в Гаити [6; 20].

Библиография

1. Вальдес, Х. МООНСГ и восстановление гаитянского государства // Международные исследования. 2008. Т. 159. С. 129-142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.revistaei.uchile.cl/index.php/REI/статья/файлпросмотра/13924/14215> (дата обращения: 07.12.2024).
2. Гонсалес Райнерио, З. Гаити в эпоху Жана-Бертрана Аристида // Романские исследования. 2016. № 32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/etudesromanes/5186> (дата обращения: 07.12.2024).
3. Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 23 июня 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2005/411> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Калдор, М. Власть и принуждение: гражданская безопасность в глобализованном мире. М.: Издательство "Тускетс Паблишерс", 2010.
5. Мелькин, А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 19.
6. Миссия Организации Объединенных Наций по поддержке сектора правосудия в Гаити: МООНППГ – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minujsth (дата обращения: 07.12.2024).

7. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ) – фактологический бюллетень. URL: www.peacekeeping.un.org/ru/mission/minustah (дата обращения: 07.12.2024).
8. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити: справочная информация // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/minustah/background.shtml> (дата обращения: 07.12.2024).
9. Промежуточный доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити, 30 августа 2004 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.un.org/es/S/2004/698> (дата обращения: 30.08.2004).
10. Резолюция 1529 (2004). URL: www.docs.cntd.ru/document/902134480?ysclid=m4leqss2li504894356 (дата обращения: 07.12.2024).
11. Резолюция 1542 (2004) [об учреждении МООНСГ]. URL: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2004/ru/60469 (дата обращения: 07.12.2024).
12. Резолюция 1908 (2010), принятая Советом Безопасности 19 января 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.refworld.org/ru/legal/resolution/unsc/2010/ru/71721 (дата обращения: 07.12.2024).
13. Резолюция 1944 (2010), принятая Советом Безопасности 14 октября 2010 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20\(2010\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1944%20(2010)) (дата обращения: 14.10.2023).
14. Серрано Кабальеро, Э. Операции по поддержанию мира на Гаити (1991–2005) // Проблемы редакции. 2007. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/603/522> (дата обращения: июнь 2007 г.).
15. Тишков, С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования: дисс. ... канд. полит. наук. Орел, 2011. 222 с.
16. Тишков, С.А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости: серия история и политология. 2017. № 15 (264). С. 175-182.
17. Триподи, П. Журнал Вооруженные силы и общество. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.resdal.org/haiti/art-tripodi.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).
18. ЭКЛАК, Рэндольф Гилберт. Гаити: экономическая и социальная история. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/ca60c347-03c7-4e29-be5b-0207f186227d/content> (дата обращения: 07.12.2024).
19. Malacalza, B. Participants and Agenda of Latin American South-South Cooperation in Haiti // В книге: Т. Ojeda, E. Echart (Eds.). South-South Cooperation in Latin America and the Caribbean. – CLACSO, 2019. – С. 129-141.
20. Varrey, E. United Nations peacekeeping missions in Haiti (1993–2019) // In Statu Nascendi. 2021. Т. 3.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Как известно, именно Гаити стало первым государством в Западном полушарии, где рабы не просто успешно сбросили свои оковы, но и добились независимости. Однако волею судеб этот остров стал крайне несчастливый для своих обитателей: череда переворотов, социальных и природных катаклизмов, землетрясений привели к тому, что Гаити справедливо относят к странам «четвертого мира», то есть наиболее беднейшим. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов гуманитарной политики на Гаити.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются бразильские и чилийские инвестиции в Гаити в 2014-2019 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать взаимосвязь между бразильскими и чилийскими инвестициями в Гаити и мандатной, организационной и политической архитектурой МООНСГ в 2004–2019 гг.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: как отмечает сам автор рецензируемой статьи, «политическая экономия гаитянской «эпохи МООНСГ» рассматривается как система взаимного подкрепления миротворческого лидерства и инвестиционного проникновения, характерная для сотрудничества Юг–Юг».

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на резолюции ООН и материалы Миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити. Из используемых исследований отметим труды Х. Вальдеса и Э. Серрано Кабальеро, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения миротворческих миссий на Гаити. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Гаити, в целом, так и миротворческими миссиями на острове, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «опыт МООНСГ в Гаити позволяет проследить, каким образом миротворческая рамка становилась каналом институционального доступа к экономике страны со стороны тех участников миссии, которые совмещали военное лидерство с программами сотрудничества и инвестиционными инициативами». Автор обращает внимание на то, что «с момента принятия МООНСГ функций временных сил в июне 2004 г. лидерство в военной области было отведено Бразилии, а Чили стала одним из ключевых латиноамериканских контингентов, унаследовавших присутствие на местах». В работе показано, что «хотя Чили уступала Бразилии по объему финансирования и по степени институционального влияния в рамках миссии, ее участие демонстрировало устойчивую ориентацию на ограниченный круг отраслей, прежде всего на инфраструктурное восстановление и торговые операции, сопряженные с

гуманитарными поставками и работой инженерных подразделений». В конечном итоге, как отмечает автор рецензируемой статьи, «для Бразилии и Чили миссия являлась одновременно механизмом коллективной безопасности и инструментом закрепления экономических позиций в стране, причем формы закрепления зависели от места в иерархии миссии».

Главным выводом статьи является то, что «политическая экономия «Ла-Паса» в Гаити в 2004–2019 гг. формировалась как институционально закрепленная связь между миротворческим управлением и внешнеэкономическим присутствием».

В качестве замечания укажем на необходимость расшифровки аббревиатур, таких как МООНППГ и МООНСГ, что было бы крайне важно для понимания широкой читательской аудитории.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения стратегий межгосударственного сотрудничества.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».